

УДК 321.019

ТРАДИЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВО VS ТЕХНОЛОГИИ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Володенков Сергей Владимирович

- e-mail: s.v.cyber@gmail.com;
доктор политических наук, профессор, профессор кафедры
государственной политики факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, к. 4.,
Российская Федерация

Для цитирования

Володенков С. В. Традиционное государство vs технологии децентрализации: особенности идеологических трансформаций в цифровую эпоху // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 15.04.2025
- Статья размещена на сайте 14.09.2025

СТРУКТУРА

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Цифровая децентрализация: ключевые принципы](#)

[Основные идеологии цифровой децентрализации](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить идеологическую природу цифровой децентрализации как системного вызова традиционному государственному суверенитету и определить риски для современного государства в условиях технологической трансформации.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ ключевых идеологий цифровой децентрализации (криптоанархизм, киберсиндикализм, шифропанкизм), их технологических оснований и практик реализации. Осуществлён сравнительный анализ программных манифестов криптоанархистов и шифропанков (Т. Мэй, Э. Хьюз), обобщён опыт эволюции децентрализованных движений.

Результаты. Проведённый анализ показал, что синтез технологий и внесистемных идеологий формирует параллельные системы управления, подрывающие монополию государства на регулирование финансов, информации и права, а также на осуществление власти. Установлено, что угрозы для современного государства включают: эрозию доверия к институтам власти, использование децентрализованных цифровых ресурсов для протестной мобилизации, обход санкций через криптовалюты, а также рост числа регистраций граждан в виртуальных юрисдикциях, не подчиняющихся национальному праву.

Теоретическая и практическая значимость. Сформулированы предложения по адаптации государственного управления: переход от запрета технологий к диалогу с IT-сообществом и разработке превентивных мер. Введена авторская трактовка цифровой децентрализации как «инженерной автократии», где власть алгоритмов заменяет политико-правовые механизмы. Актуализирована проблематика государственного суверенитета в контексте конкуренции с децентрализованными антисистемами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственный суверенитет, децентрализованные автономные организации, идеологии цифровой децентрализации, цифровые технологии

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях глобального проникновения цифровых информационно-коммуникационных технологий в ключевые сферы жизнедеятельности государства и общества,

включая общественно-политическую, экономическую и иные, формируются широкие возможности по формированию и использованию новых цифровых форматов взаимодействия между людьми, сообществами, институтами. Цифровые трансформации существенным образом влияют и на процессы государственного управления, формируя целый спектр рисков, угроз и вызовов, стоящих перед традиционными институтами власти. Рост влияния технологий блокчейн, криптовалют и децентрализованных сетей порождает новые формы социальной, экономической и политической самоорганизации, которые всё чаще существуют вне зоны контроля, надзора и регулирования национальных правительств.

При этом технологические изменения во многом сопряжены с формированием и эволюцией соответствующих идеологий нового типа. В нашем случае речь идёт об идеологиях цифровой децентрализации – совокупности концепций, продвигающих идею замены централизованных систем управления и социально-экономического, а также общественно-политического взаимодействия распределёнными ресурсами, механиками, технологиями и алгоритмами, а государственных границ – виртуальными сообществами. Для России, укрепляющей цифровой суверенитет в условиях глобальной турбулентности, понимание данных тенденций становится не просто актуальным, а стратегически необходимым для заблаговременного предотвращения тех угроз, рисков и вызовов, которые могут нести идеологические течения цифровой децентрализации, а также успешной адаптации традиционных институтов власти в России к неизбежным технологическим изменениям и существованию внесистемных идеологий нового типа.

По сути, сегодня мы можем констатировать нарастающую конкуренцию между традиционными системами власти и технологическими децентрализованными антисистемами, базирующимися на соответствующих идеологиях децентрализации. При этом отличительной особенностью данного типа конкуренции является его невидимость в силу использования для распространения идей децентрализации соответствующей цифровой инфраструктуры, не всегда видимой для профильных служб и ведомств, занимающихся мониторингом информационно-коммуникационной активности в цифровом пространстве.

Такую цифровую инфраструктуру составляет значительное число ресурсов, платформ, цифровых сервисов, функционирующих на основе принципа децентрализации.

Всё большее внимание привлекают к себе децентрализованные автономные организации (DAO), существующие в такой организационной форме, при которой координация деятельности участников и управление ресурсами происходят в соответствии с заранее согласованным и формализованным набором правил, контроль за соблюдением которых выполняется автоматически. Это организации, управляемые кодом, где участники (держатели токенов) голосуют за изменения в протоколе. Здесь нет CEO или совета директоров, даже создатели DAO не могут в одностороннем порядке изменить правила. Решения в DAO принимаются общим одноуровневым голосованием анонимных участников сети. Рост популярности DAO формирует запрос на «горизонтальное управление», что противоречит традиционной вертикали власти. Очевидно, что формат самоорганизации граждан в DAO может быть применён и к общественно-политической сфере в рамках создания децентрализованных общественных организаций и политических партий. Однако при этом точный правовой статус такого метода таких организаций на сегодняшний день во многом не определён [12].

ЦИФРОВАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ ПРИНЦИПЫ

Стремительное развитие децентрализованных технологий уже сегодня ставит вопрос: *сможет ли государство остаться главным актором в цифровом мире или уступит место неподконтрольным децентрализованным алгоритмам и анонимным сообществам?*

И этот вопрос появился не сегодня. Потенциалу политического влияния цифровых трансформаций в аспекте формирования децентрализованных систем и идеологий посвящён значительный спектр работ, в которых анализируются различные аспекты цифровой децентрализации [1; 2; 6; 10; 13; 15; 16; 21; 22].

Ключевая проблема в данном аспекте видится нам в том, что цифровая децентрализация представляет собой синтез технологических инноваций и идеологических установок, направленных на перераспределение власти от традиционных

институтов к распределённым сетям. В её основе лежит принцип устранения посредников – будь то государство, корпорации или финансовые системы – и замены их алгоритмами, протоколами и самоорганизующимися сообществами. Эта парадигма опирается на три столпа:

- *технологический* – использование инструментов, обеспечивающих децентрализацию (блокчейн, P2P-сети, криптография);
- *философский* – стремление к свободе от принуждения, анонимности и коллективному самоуправлению;
- *практический* – создание альтернативных систем, конкурирующих с государственными (криптовалюты, цифровые юрисдикции).

Цифровая децентрализация – это, по сути, комплекс идей и практика их реализации, которые направлены на трансформацию традиционных вертикальных иерархий в горизонтальные сети, где власть распределяется между участниками на основе алгоритмических правил. Её суть можно выразить через следующие принципы:

- *отсутствие централизованного контроля*: управление осуществляется через консенсус участников, а не решения единого органа;
- *прозрачность*: все действия публичны и верифицируемы, но при этом анонимны или псевдоанонимны. Это создаёт парадокс: система одновременно открыта для аудита и защищена от идентификации участников;
- *самоуправление*: правила взаимодействия кодируются в протоколы (смарт-контракты), что минимизирует человеческий фактор, автоматизируя принятие решений через голосование токенохолдеров;
- *устойчивость к цензуре*: децентрализованные сети, такие как IPFS или Tor, невозможно остановить, отключив один сервер, что делает их инструментом обхода государственных ограничений.

Очевидным для нас является то обстоятельство, что сами по себе технологии цифровой децентрализации являются лишь инструментом. Без соответствующего идеологического базиса сами по себе они не представляют какой-либо угрозы традиционным государственным системам. Однако на протяжении всей истории развития человечества угрозу любым без исключения системам управления (религиозным, государ-

ственным, экономическим, социальным) всегда представляли внесистемные идеологии. Будучи подкреплёнными соответствующими технологиями, такого рода идеологии приобретают дополнительный потенциал своего существования, развития и влияния, что мы и можем видеть в случае с идеологиями цифровой децентрализации, которые по своему определению являются внесистемными и способными оказывать значимое давление на традиционные системы управления, включая государственные.

Иными словами, в отличие от классических инструментов и идеологий, технологии цифровой децентрализации не являются нейтральными, но становятся своего рода фундаментом и «бустером» развития соответствующих внесистемных идеологий, а также мультипликаторами потенциала их влияния на массовое сознание. Определение связи между идеологией и технологиями помогает нам увидеть в децентрализации не абстракцию, а реальный механизм, который уже меняет правила игры в современной политике.

Цифровая децентрализация, воплощаясь в альтернативных политических, правовых, экономических и социальных системах, создаёт многоуровневые вызовы для государственного суверенитета. Эти угрозы носят не гипотетический, а вполне осязаемый характер, что подтверждается кейсами как из мировой, так и из отечественной практики. Например, сегодня мы можем наблюдать *эрозию доверия к традиционным «вертикальным» институтам* – идеология «код вместо закона» подрывает авторитет государства.

Децентрализованные медиа (Mastodon, Mirror.xyz) и мессенджеры (Telegram, Session) также активно используются для координации протестов. Так, жёлтые жилеты во Франции (2018 г.) и акции 2020 г. в Беларуси показали, как такие инструменты позволяют обходить государственную цензуру. Распространение дезинформации в Web 3.0, включая использование нейросетей и дипфейк-технологий, работающих на блокчейне, значительно усложняет контроль за распространением фейков, в том числе экстремистского и радикального характера, со стороны профильных государственных служб, что представляет собой ещё один значимый вызов. Криптовалюты (Bitcoin, Монепо и др.) позволяют обходить государственный контроль над финансовыми потоками, в том числе и в рамках противо-

действия финансированию внесистемной оппозиции, радикальных, экстремистских и террористических организаций.

В свою очередь, децентрализованные автономные организации (DAO) уже сегодня предпринимают попытки формирования альтернативных правовых систем. Как минимум в рамках цифровой децентрализации роль государства сводится к роли «одного из участников», а не регулятора. Как максимум государство исключается из числа участников взаимодействий, становится врагом.

Таким образом, для России, сталкивающейся с внешним давлением и внутренними вызовами цифровизации, их анализ становится основой для выработки превентивных мер.

Следует отметить, что, по нашему мнению, угрозы цифровой децентрализации носят системный характер, затрагивая все уровни государственности: от монополии на эмиссию денег до контроля над информационным пространством. Для России ключевая опасность заключается в том, что децентрализованные системы могут стать инструментом внешнего вмешательства (например, финансирование оппозиции) и внутренней дестабилизации. Игнорирование такого рода вызовов способно превратить цифровые технологии из инструмента развития в оружие против государственного суверенитета.

ОСНОВНЫЕ ИДЕОЛОГИИ ЦИФРОВОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Отметим, что на сегодняшний день существует целый спектр идеологических течений, которые относятся к концепции цифровой децентрализации. Мы рассмотрим лишь ключевые из них.

В первую очередь следует обратить внимание на такое течение, как **криптоанархизм**. Истоки криптоанархизма связаны с движением киберпанка 1980-х гг., в рамках которого технологии рассматривались как средство сопротивления тоталитаризму. Это идеологическое течение зародилось в 1980-х гг. с публикацией «Криптоанархистского манифеста» Т. Мэя, который утверждал, что криптография и распределённые сети способны уничтожить государственный контроль над личностью [3, с. 107–109]. В манифесте был введён термин «криптоанархизм», а также объявлен призыв к созданию полностью анонимных цифровых сообществ на базе шифрования для

«освобождения информации от всякой власти». Ключевым же тезисом манифеста стало положение о том, что криптография выступает орудием освобождения от государственного надзора («government cannot control what it cannot see»). Таким образом, криптоанархисты рассматривают государство как угрозу свободе, а технологии – как оружие сопротивления. Их лозунг «Код – закон» отражает веру в то, что алгоритмы могут заменить правовые системы.

Криптоанархизм представляет собой синтез анархистской философии и криптографических технологий, направленный на создание децентрализованных систем, минимизирующих роль государственного контроля и максимизирующих индивидуальную свободу. Криптоанархизм как идеология возник на стыке цифровой революции конца XX в. и традиций классического анархизма. Его ключевая парадигма заключается в использовании криптографии и распределённых технологий для обеспечения приватности, автономии и сопротивления централизованным структурам власти. В отличие от традиционного анархизма, акцентирующего коллективное действие, криптоанархизм фокусируется на технологиях как инструменте эмансипации индивида. Философски криптоанархизм наследует традиции индивидуалистического анархизма и либертарианства, акцентируя неприкосновенность личной свободы и добровольность социальных взаимодействий.

Основной постулат криптоанархизма – использование сильной криптографии как инструмента освобождения личности от государственного и корпоративного надзора. Это выражается в следующих аспектах:

- *приватность как фундаментальная ценность*: защита личных данных через шифрование рассматривается как средство противостояния тотальному контролю;

- *децентрализация власти*: отказ от централизованных институтов (государств, банков) в пользу распределённых сетей, где управление осуществляется через алгоритмы и смарт-контракты;

- *цифровая автономия*: криптоанархисты выступают за создание независимых экономических и социальных экосистем, свободных от регуляторных ограничений.

Наиболее заметным достижением криптоанархизма стало создание децентрализованных финансов (DeFi), которые исключают посредников в финансовых операциях за счёт блок-

чейн-технологий. Примером служит «биткоин» – криптовалюта, чей протокол заложил основы для реализации идеи «денег без государства». Кроме того, развитие инфраструктур на основе блокчейна (например, платформы для анонимных сделок или децентрализованные социальные сети) демонстрирует стремление криптоанархистов к практической реализации своих принципов. Так, идеология криптоанархизма стала основой блокчейн-движения, а крайние анархистские идеи приобрели дополнительную популярность и массовый характер в цифровом пространстве в условиях появления криптовалют и DeFi¹ [20].

Мы можем сделать вывод, что криптоанархизм представляет собой уникальный синтез технологического прогресса и радикальной политической мысли. Его сила – в предложении альтернатив иерархическим системам, а слабость – в недооценке сложности социальной координации без доверия. В условиях глобального развития цифровых технологий криптоанархизм выступает как одно из наиболее радикальных течений, стремящихся переосмыслить отношения власти, приватности и децентрализации в цифровом пространстве.

На наш взгляд, криптоанархизм представляет собой значимую идеологическую парадигму в условиях цифровой трансформации, предлагающую альтернативу централизованным моделям управления. Его принципы – защита приватности, децентрализация и цифровая автономия – оказывают влияние не только на криптосообщества, но и на широкие дискуссии о будущем демократии и суверенитете в цифровом мире. При этом сегодня мы можем наблюдать определённую близость трансформирующихся идей современных криптоанархистов (особенно биткоин-сообщества) к ультралибертарианству и правому анархизму [11], что порождает и потенциал соответствующих социально-политических сценариев эволюции современного общества.

Ещё одним идеологическим течением цифровой децентрализации является **киберсиндикализм** как современная версия анархо-синдикализма, где цифровые кооперативы (например, платформы типа LBRY или Mastodon) конкурируют с централизованными корпорациями (YouTube, Twitter). Цель сторонников данной идеологии – построение экономики, управляемой работниками и пользователями, а не акционерами, создание

¹ Децентрализованные финансовые сервисы – *прим. ред.*

самоуправляемых сообществ, где экономические и социальные процессы контролируются коллективами через блокчейн, децентрализованные автономные организации (DAO) и другие инструменты Web3. Неслучайно ещё М. Кастельс почти четверть века назад пророчески отмечал, что интернет трансформирует традиционные формы самоорганизации и становится «рабочим инструментом» массовых движений, включая синдикалистские практики [7].

Киберсиндикализм берёт начало в анархосиндикалистских движениях XX в., которые выступали за упразднение иерархических структур власти через организацию рабочих в независимые профсоюзы («синдикаты»), управляющие производством коллективно. Современная версия идеологии возникла как ответ на цифровизацию труда и рост влияния технологических корпораций, монополизирующих данные, алгоритмы и платформенную инфраструктуру, и представляет собой идеологическое течение, основанное на синтезе коллективизма и технологической автономии и объединяющее принципы классического анархосиндикализма и коллективного самоуправления с технологиями цифровой децентрализации. Киберсиндикализм возник на пересечении двух векторов: традиций рабочего движения, выступавшего за коллективное управление производством (синдикализм), и технологической революции, предлагающей инструменты для децентрализации власти (блокчейн, DAO, DeFi). В отличие от классического синдикализма, акцентирующего профсоюзную организацию труда, киберсиндикализм фокусируется на цифровых платформах как средстве эмансипации от государственных и корпоративных структур. Его ключевая парадигма – замена вертикальных иерархий горизонтальными сетями, где решения принимаются консенсусом участников, а ресурсы распределяются через алгоритмические механизмы.

Идеи коллективного управления, лежащие в основе киберсиндикализма, восходят к теориям Прудона и Бакунина, критиковавших централизацию власти. Однако технологический поворот связан с проектами XX–XXI вв., такими как советская ОГАС – попытка создать кибернетическую систему управления экономикой, которая должна была обеспечить прозрачность и децентрализацию планирования. Несмотря на провал ОГАС из-за бюрократического сопротивления, её принципы – устранение посредников, автоматизация управления – стали

прообразом современных DAO. Философски киберсиндикализм наследует критику капитализма, связанную с неспособностью рыночных систем решать глобальные задачи из-за примата прибыли. Однако вместо возврата к плановой экономике киберсиндикалисты предлагают альтернативу: гибридную модель, где алгоритмы заменяют бюрократию, а смарт-контракты гарантируют соблюдение правил без принуждения.

Мы можем выделить три основных столпа цифровой децентрализации, на которые опирается киберсиндикализм:

- *DAO (децентрализованные автономные организации)* – структуры, управляемые через голосование токенохолдеров. DAO устраняют необходимость в менеджменте, передавая контроль участникам сети. Например, платформы вроде Decima позволяют создавать организации с автоматизированными правилами, где вознаграждение распределяется пропорционально вкладу;

- *DeFi (децентрализованные финансы)* – системы, исключая банки-посредники. Кредитование, страхование и инвестиции осуществляются через смарт-контракты, что соответствует синдикалистскому идеалу рабочего контроля над капиталом;

- *систейдинг* (проживание в свободных сообществах вне юрисдикции какой-либо конкретной страны) и *распределённые сообщества* – проекты вроде «плавающих городов» П. Фридмана, где юрисдикции конкурируют за граждан, предлагая лучшие условия. Это воплощает идею децентрализации власти через технологическую мобильность.

Данные инструменты создают инфраструктуру для «антихрупких» экономик, устойчивых к кризисам. Например, DAO-протоколы в DeFi демонстрируют способность функционировать даже при банкротстве централизованных институтов.

По сути, киберсиндикализм предлагает радикальную альтернативу как капитализму, так и государственному социализму, переводя идеи коллективизма в цифровую плоскость. Его сила заключается в способности создавать устойчивые к кризисам системы, однако успех зависит от решения проблем регуляции, масштабируемости и включения маргинализированных групп.

В условиях роста платформенной экономики и алгоритмического контроля над трудом эта идеология предлагает альтернативу централизованным корпоративным структурам, ос-

нованную на децентрализованных сетях, рабочей автономии и технологической демократизации.

Современные примеры реализации киберсиндикалистских идей включают в себя: DAO-кооперативы (например, *Patreon DAO* или *Mirror.xyz*), где участники коллективно управляют проектами и распределяют доходы; платформы для гиг-работников, такие как *Upala* или *Fairbnb*, которые используют блокчейн для обеспечения прозрачности выплат и исключения посредников; техно-профсоюзы, как *Tech Workers Coalition*, сочетающие традиционные методы синдикализма (забастовки, коллективные переговоры) с цифровыми инструментами организации, включая анонимные чаты на основе шифрования и децентрализованные реестры жалоб.

Анализ актуальной практики демонстрирует, что сегодня децентрализованные платформы могут успешно выступать в качестве значимых «цифровых синдикатов», где работники могут кооперироваться и создавать децентрализованные профсоюзы, обеспечивающие децентрализованную профсоюзную мобильность для работников. Анализ методов коллективного действия в онлайн показывает, что сетевая организация во многом содержательно напоминает синдикализм начала XX в., но без централизации профсоюзов, которые становятся децентрализованными при помощи современных цифровых технологий [19]. Примечательно, что исследование сообществ в сети как «виртуальных профсоюзов» показывает, что сетевые сообщества осознают себя коллективом с общими интересами, что во многом определяет серьёзный потенциал идеологии киберсиндикализма [18].

Киберсиндикалистские проекты демонстрируют сегодня попытки переосмыслить отношения труда и капитала в условиях цифровой экономики, при этом сталкиваясь с вызовами масштабируемости и регуляторного давления.

Таким образом, мы можем заключить, что киберсиндикализм предстает как актуальная идеологическая модель, сочетающая анархосиндикалистские ценности с цифровыми технологиями для борьбы с капиталистической эксплуатацией в сетевой экономике. Его принципы децентрализации, коллективного управления и технологической демократизации предлагают альтернативу платформенному капитализму, однако требуют дальнейшей разработки в части устойчивости к регуляторным и техническим вызовам. В условиях роста цифровой

рабочей бедности и алгоритмического контроля киберсиндикализм может стать ключевым элементом современных левых движений, ориентированных на справедливое будущее труда.

Ещё одним идеологическим течением цифровой децентрализации, заслуживающим нашего внимания, является **шифропанкизм**. Шифропанкизм – идеологическое течение, возникшее в конце XX в. на стыке криптографии, компьютерных технологий и активизма, направленное на защиту приватности, децентрализацию власти и противодействие государственному надзору. Он оформился в 1980–1990-х гг. как ответ на растущую цифровизацию общества и усиление государственного и корпоративного контроля над информационными потоками. Его ключевая доктрина, выраженная в «Манифесте шифропанка» [4, с. 129–131], утверждает, что приватность и анонимность должны быть защищены не законами, а криптографическими алгоритмами. В отличие от криптоанархизма, акцентирующего полный отказ от государственных институтов, шифропанкизм фокусируется на технологическом сопротивлении, создании инструментов для массового использования, что делает его более прагматичным и адаптивным течением.

Истоки шифропанкизма связаны с движением хакеров и киберпанков, выступавших против цензуры и тотального контроля. Философски течение опирается на либертарианские идеи (Мильтон Фридман, Фридрих Хайек), подчёркивающие приоритет индивидуальной свободы, на концепцию «права на шифрование» как фундаментального права человека Сола Вайсса [17, р. 189], а также на критику «паноптикума цифровой эпохи» [23, р. 470–471], где сбор данных корпорациями и государствами превращается в инструмент подавления.

Что примечательно, шифропанкизм *отвергает пассивность*, утверждая, что технологии должны служить инструментом освобождения, а не угнетения. Его сторонники, включая Дж. Асанжу, Дж. Аппельбаума, Э. Мюллера, М. и Й. Циммерманнов, Б. Коэна, подчёркивают, что «в условиях массовой слежки шифрование становится актом гражданского неповиновения» [5, р. 45].

Мы можем выделить основные постулаты, на которых базируется современный шифропанкизм:

– *приватность как политический акт*: шифрование информации рассматривается как средство удаления данных из госу-

дарственного контроля, что позволяет индивиду сохранять автономию;

- *децентрализация власти*: отказ от иерархических структур через создание распределённых сетей, где управление осуществляется алгоритмами, а не бюрократией;

- *технологическая независимость*: движение подчёркивает необходимость открытых протоколов и открытого исходного кода для предотвращения монополизации технологий.

Следует заметить, что шифропанкизм оказал значительное влияние на современные цифровые экосистемы и остаётся одним из наиболее влиятельных идеологических течений цифровой эпохи, предлагая инструменты для защиты свободы в условиях тотальной слежки и представляя собой идеологическое течение, основанное на использовании криптографии и децентрализованных технологий для защиты личной свободы и борьбы с государственным и корпоративным контролем.

Шифропанки оказали решающее влияние на развитие цифровых технологий. Идеи движения легли в основу «биткойна». Децентрализованный характер криптовалюты исключает необходимость банков и правительств в финансовых операциях. Блокчейн-инфраструктуры и технологии распределённых реестров, разработанные шифропанками, стали основой для децентрализованных финансов (DeFi) и автономных организаций (DAO). Протоколы анонимных коммуникаций, такие как Tor, и системы шифрования данных (например, PGP) стали массовыми благодаря усилиям движения.

В целом шифропанкизм сыграл ключевую роль в формировании цифровой децентрализации, предложив модель общества, где технологии обеспечивают свободу и автономию. Его принципы приватности, децентрализации и открытости остаются актуальными в условиях роста алгоритмического контроля. По сути, шифропанкизм заложил определённые философские предпосылки деконструкции традиционной централизованной власти, рассматриваясь рядом учёных в качестве самостоятельного субъекта потоков информации в цифровом пространстве [9].

Помимо рассмотренных нами трёх ключевых идеологических течений цифровой децентрализации, также необходимо обозначить появление и других, пока что менее распространённых и популярных альтернативных идеологических концепций. Так, **концепции блокчейн-государства** и **концепции виртуаль-**

ных наций, таких как Bitnation или Liberland, предлагают альтернативу традиционному гражданству. Их граждане используют блокчейн для регистрации браков, подписания контрактов и даже разрешения споров через децентрализованные суды. В основу данной концепции положена идея государства как SaaS (State-as-a-Service), где юрисдикция выбирается, как приложение. Блокчейн-государства формируют альтернативные юрисдикции и предлагают виртуальное гражданство, подрывая легитимность национальных паспортов и национальных органов власти в целом. А децентрализованные суды (Kleros) разрешают споры через алгоритмы, что ставит под вопрос роль государственной судебной системы. Показательно, что в 2021 г. более 10 тыс. россиян зарегистрировались в подобных системах, стремясь избежать налогов и бюрократии. Как отмечает Лоуренс Лессиг, роль закона в «цифровых юрисдикциях» выполняет код (code is law) [14]. Код превращается в действенный эквивалент правовых норм, регулируя поведение пользователей, обеспечивая санкции (например, автоматическое исполнение условий smart contracts), и тем самым становится *де-факто* «инфраструктурной конституцией», приводя к реальным нормативным и организационным последствиям [8], а также претендуя на статус автономного законодателя, подчинение которому обеспечивается через алгоритмы и цифровую архитектуру, в рамках которой исключаются альтернативные модели и навязывается инфраструктурный порядок.

Следует заметить, что мы допускаем не только рост популярности подобных концепций, но и появление новых идеологических течений цифровой децентрализации. При этом все они по своей сути являются *внесистемными*, отрицающими роль государства и его традиционных институтов в регулировании ключевых сфер жизнедеятельности человека и общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам рассмотрения актуальной ситуации, связанной с интенсивным развитием и проникновением в ключевые сферы жизнедеятельности общества цифровых распределённых технологий, мы можем констатировать, что цифровая децентрализация – не просто технологический тренд, а идеологический вызов, переопределяющий понятия суверенитета, граждан-

ства и управления. Её сторонники стремятся к миру, где власть принадлежит алгоритмам и сообществам, а не государствам. Для государств, включая Россию, понимание этих основ критически важно – только так можно выработать стратегию, которая не подавит инновации, но и не позволит им разрушить традиционные институты.

Цифровая децентрализация перестала быть утопией технологических энтузиастов – она стала реальностью, которая перекраивает ландшафт глобальной власти. Как демонстрирует анализ текущей ситуации, её идеологии – от криптоанархизма до блокчейн-государств – бросают беспрецедентный вызов традиционным институтам, подрывая монополию на регулирование финансов, права и информации. Децентрализованные технологии создают параллельные системы управления, снижая способность государства контролировать экономические потоки, информационное пространство и правопорядок. Санкционные обходы через криптовалюты, самоорганизующиеся протесты в Telegram и «теневые юрисдикции» DAO – это не футурологические сценарии, а текущая реальность. Кроме того, цифровая децентрализация усиливает социальные риски: от роста киберпреступности до эрозии доверия к традиционным институтам власти, особенно среди молодёжи, подавляющая часть которой является активными пользователями цифровых технологий.

Современные децентрализованные практики по своей сути формируют политико-технологические процессы превращения инструментов децентрализации в нормативную архитектуру власти, задающую формы социального порядка без необходимости внешнего регулирования. Это явление радикально трансформирует саму природу управления, заменяя политико-правовую дискуссию инженерным решением, где власть закрепляется через архитектуру алгоритмического протокола. Технология может становиться не просто средством, а носителем нормативной власти, что определяет сценарии сдвига от традиционной политической легитимации к моделям инженерной автократии, в которой власть кода заменяет власть закона.

Для России, находящейся в эпицентре геополитических и технологических трансформаций, подобные вызовы приобретают особую остроту. Однако при этом, на наш взгляд, будущее государств в цифровую эпоху всё же зависит не от их способности запрещать, а от умения адаптироваться. Россия, облада-

ющая уникальным опытом балансирования между традицией и модернизацией, может стать лидером в построении новой модели управления – где технологии служат государству, а не растворяют его в децентрализованных сетях. Однако это потребует не только политической воли, но и готовности к диалогу с технологическим сообществом. Время для такого диалога наступило.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брехов Г. С. Кriptoанархизм: идеология блокчейн-технологий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. №3. С. 393–407. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-393-407
2. Ладлоу П. Новые основания: возникновение суверенных кибергосударств и их властных структур // Ладлоу П. Кriptoанархия, кибергосударства и пиратские утопии. М.: Ультра.Культура, 2005. С. 27–60.
3. Мэй Т. Кriptoанархистский манифест // Ладлоу П. Кriptoанархия, кибергосударства и пиратские утопии. М.: Ультра.Культура, 2005. С. 107–109.
4. Хьюз Э. Манифест шифропанка // Ладлоу П. Кriptoанархия, кибергосударства и пиратские утопии. М.: Ультра.Культура, 2005. С. 129–131.
5. Assange J., Appelbaum J., Müller-Maguhn A., et al. Cypherpunks: Freedom and the Future of the Internet. New York: OR Books, 2012. 192 p.
6. Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven: Yale University Press, 2006. 656 p.
7. Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford: Oxford University Press, 2001. 456 p.
8. De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2018. 306 p.
9. Deleuze G., Guattari F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia. New York: Viking Press, 1977. 400 p.
10. Galloway A. R. Protocol: How Control Exists after Decentralization. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. 176 p.
11. Golumbia D. The Politics of Bitcoin: Software as Right-Wing Extremism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2016. 100 p.

12. Grant D. M., Kirby E. M., Hawkins S. Decentralized Autonomous Organizations: To Statutorily Organize or Not? [Электронный ресурс] // Wyoming Law Review. 2024. Vol. 24. No. 1. URL: <https://scholarship.law.uwyo.edu/wlr/vol24/iss1/2> (дата обращения: 08.04.2025).
13. Jordan T. Cyberpower: The Culture and Politics of Cyberspace and the Internet. London: Routledge, 1999. 254 p.
14. Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. New York: Basic Books, 1999. 297 p.
15. Levy S. Crypto: How the Code Rebels Beat the Government-Saving Privacy in the Digital Age. New York: Viking Press, 2001. 352 p.
16. Nardelli P.H.J., Silva P.E.G., Siljak H., et al. Cyber-Physical Decentralized Planning for Communizing // Journal of Social and Political Sciences. 2023. Vol. 6. No. 1. P. 45–59. DOI: 10.1177/10245294231213141
17. Peters B. How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet. Cambridge: MIT Press, 2016. 312 p. DOI: 10.7551/mitpress/9780262034180.001.0001
18. Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. Reading, MA: Addison-Wesley, 1993. 384 p.
19. Shirky C. Here Comes Everybody: How Change Happens When People Come Together. New York: Penguin Press, 2008. 400 p.
20. Vigna P., Casey M. J. The Age of Cryptocurrency: How Bitcoin and Digital Money Are Challenging the Global Economic Order. New York: St. Martin's Press, 2015. 304 p.
21. West S. M. Survival of the Cryptic: Tracing Technological Imaginaries across Ideologies, Infrastructures, and Community Practices // New Media & Society. 2022. Vol. 24. No. 6. P. 1001–1020. DOI: 10.1177/1461444820983017
22. Zhuk A. Crypto-anarchy: a paradigm shift for society and the legal system // Journal of Computer Virology and Hacking Techniques. 2024. Vol. 20. No. 4. P. 697–723. DOI: 10.1007/s11416-024-00525-1
23. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. New York: PublicAffairs, 2019. 704 p.

ARTICLE INFORMATION

Author

Sergey V. Volodenkov

- e-mail: s.v.cyber@gmail.com,
Dr. Sci. (Politology), Prof., Department of State Policy,
Faculty of Political Sciences,
Lomonosov Moscow State University
prosp. Lomonosovsky 27 4, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Volodenkov S. V. Traditional State and Decentralization Technologies: Features of Ideological Transformations in the Digital Era. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2025, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To reveal the ideological nature of digital decentralization as a systemic challenge to traditional state sovereignty and to identify risks for modern states amid technological transformation.

Methodology. The core of the study comprises an analysis of key digital decentralization ideologies (crypto-anarchism, cyber-syndicalism, cypherpunk), their technological foundations, and implementation practices. A comparative analysis of foundational manifestos by crypto-anarchists and cypherpunks (T. May, E. Hughes) was conducted, and the evolution of decentralized movements was synthesized.

Results. The analysis demonstrated that the synergy of technologies and extra-systemic ideologies creates parallel governance systems undermining the state's monopoly on regulating finance, information, law, and the exercise of power. Threats to modern states include: erosion of trust in institutions, use of decentralized digital resources for protest mobilization, sanctions evasion via cryptocurrencies, and increased citizen registrations in virtual jurisdictions operating beyond national law.

Research implications. Proposals for state adaptation are formulated: shifting from technology bans to dialogue with IT communities and developing preventive measures. The author introduces an original interpretation of digital decentralization as "engineering autocracy", where algorithmic power replaces political-legal mechanisms. The study reframes

issues of state sovereignty in the context of competition with decentralized anti-systems.

Keywords

state sovereignty, Decentralized Autonomous Organizations, ideologies of digital decentralization, digital technologies

References

1. Brekhov, G. S. (2022). Cryptoanarchism: The Ideology of Blockchain Technologies. In: *RUDN Journal of Political Science*, 24, 3, 393–407. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-393-407 (in Russ.).
2. Ludlow, P. (2005). New Foundations: The Emergence of Sovereign Cyberstates and Their Power Structures. In: Ludlow P. *Crypto Anarchy, Cyberstates, and Pirate Utopia*. Moscow: Ultra.Kultura publ., pp. 27–60 (in Russ.).
3. May, T. (2005). The Crypto-Anarchist Manifesto. In: Ludlow P. *Crypto Anarchy, Cyberstates, and Pirate Utopia*. Moscow: Ultra.Kultura publ., pp. 107–109 (in Russ.).
4. Hughes, E. (2005). The Cypherpunk Manifesto. In: Ludlow P. *Crypto Anarchy, Cyberstates, and Pirate Utopia*. Moscow: Ultra.Kultura publ., pp. 129–131 (in Russ.).
5. Assange, J., Appelbaum, J., Müller-Maguhn, A., et al. (2012). *Cypherpunks: Freedom and the Future of the Internet*. New York: OR Books.
6. Benkler, Y. (2006). *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. New Haven: Yale University Press.
7. Castells, M. (2001). *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford: Oxford University Press.
8. De Filippi, P. & Wright, A. (2018). *Blockchain and the Law: The Rule of Code*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
9. Deleuze, G. & Guattari, F. (1977). *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. New York: Viking Press.
10. Galloway, A. R. (2004). *Protocol: How Control Exists after Decentralization*. Cambridge, MA: MIT Press.
11. Golumbia, D. (2016). *The Politics of Bitcoin: Software as Right-Wing Extremism*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
12. Grant, D. M., Kirby, E. M. & Hawkins, S. (2024). Decentralized Autonomous Organizations: To Statutorily Organize or Not? In: *Wyoming Law Review*, 24, 1. URL: <https://scholarship.law.uwyo.edu/wlr/vol24/iss1/2> (accessed: 08.04.2025).

13. Jordan, T. (1999). *Cyberpower: The Culture and Politics of Cyberspace and the Internet*. London: Routledge.
14. Lessig, L. (1999). *Code and Other Laws of Cyberspace*. New York: Basic Books.
15. Levy, S. (2001). *Crypto: How the Code Rebels Beat the Government-Saving Privacy in the Digital Age*. New York: Viking Press.
16. Nardelli, P. H. J., Silva, P. E. G., Siljak, H., et al. (2023). Cyber-Physical Decentralized Planning for Communizing. In: *Journal of Social and Political Sciences*, 6, 1, 45–59. DOI: 10.1177/10245294231213141.
17. Peters, B. (2016). *How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet*. Cambridge: MIT Press. DOI: 10.7551/mitpress/9780262034180.001.0001
18. Rheingold, H. (1993). *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. Reading, MA: Addison-Wesley.
19. Shirky, C. (2008). *Here Comes Everybody: How Change Happens When People Come Together*. New York: Penguin Press.
20. Vigna, P. & Casey, M. J. *The Age of Cryptocurrency: How Bitcoin and Digital Money Are Challenging the Global Economic Order*. New York: St. Martin's Press.
21. West, S. M. (2022). Survival of the Cryptic: Tracing Technological Imaginaries across Ideologies, Infrastructures, and Community Practices. In: *New Media & Society*, 24, 6, 1001–1020. DOI: 10.1177/1461444820983017
22. Zhuk, A. (2024). Crypto-anarchy: a paradigm shift for society and the legal system. In: *Journal of Computer Virology and Hacking Techniques*, 20, 4, 697–723. DOI: 10.1007/s11416-024-00525-1
23. Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism*. New York: PublicAffairs.